

ПЕРЕВАЛ

(рассказ)

Пролог

Не знаю, по каким таким причинам не прижился в карманах моей куртки неизменный атрибут пишущего человека – блокнот. Да что там блокнот! Порой нечем записать нужный телефон или адрес из-за отсутствия простенькой шариковой авторучки. Как говорится – сапожник без сапог.

Конечно же, написал я немало стихов, статей в различные издания, да и все свои мысли я доверял дневнику, не полагаясь на свою память.

Годы безжалостно стирают важные штрихи событий, произошедших со мной за весьма большой отрезок жизненного пути. Сожалею, что полтора десятка лет назад не записал я рассказ пономаря Алексея. Долгим зимним вечером в сторожке Христорожественского собора он поведал мне удивительную историю. Сегодня приходится по памяти восстанавливать рассказанное, а это ох как нелегко, ибо за дымкой лет многое видится иначе, детали расплывчаты и меняют свои очертания.

Есть в нашем Христорожественском соборе икона Святителя Николая Чудотворца, особо почитаемая прихожанами. Написана она необыкновенно живо. Никто точно не знает, сколько лет образу, но судя по утраченной кое-где позолоте, манере письма и краскам, никак не меньше двух веков. Мастерство иконописца несомненно. Лик Святого передан настолько проникновенно, что кажется написанным с самого Николая Чудотворца при его земной жизни. Пожалуй, случай, о котором я хочу рассказать, подтверждает этот феномен.

В конце безвременья прошедших девяностых годов одна из зим выдалась особенно снежной и морозной. Столбик термометра опускался днём ниже 35 градусов, а уж как одолевают наши дальневосточные ветра и говорить не приходится. Любой хабаровчанин знает, что такое промозглый ветер с Амура...

В один из таких январских будничных дней закончилась служба в храме. Уборщица Александра Петровна, высокая сухощавая женщина лет 68, которую все звали ласково баба Шура, выметала снег из притвора. Дьякон Владимир, чей могучий бас приводил в трепет прихожан, нахлобучив скуфью

на свою львиную шевелюру, широкой поступью следовал прямым в трапезную, по диагонали пересекая церковный двор.

- Батюшка! – окликнул его среднего роста мужчина лет сорока, в рыжей лисьей шапке и потёртой местами лётной куртке на меху.

- Я не батюшка, я – диакон, – пробасил Владимир, приостановившись, с улыбкой глядя на недоумённое лицо мужчины. - Отец Михаил сейчас занят. Как сподобится, возможно, примет вас.

- Не знаю, как к вам правильно обращаться, в церкви-то я почти не бываю – смутился мужчина.

- Обращайтесь просто – диакон Владимир, можно отец диакон.

- Спасибо, уразумел, а я Андрей...Павлович. Мне бы свечку Богу поставить. Случай со мной недавно произошёл, можно сказать на волосок от смерти был. Рассказать – не поверите.

- Так уж и не поверим – усмехнулся диакон и перешёл на «ты». – Вот что, Андрей Павлович, ты, мил человек, давай-ка ступай в храм. Там, как зайдёшь, справа, увидишь свечной ящик. Хотя погоди, пойдём я тебя провожу.

Перед входом в храм отец Владимир обстучал подошвы своих сапог о металлическую решётку, сняв скуфейку сотворил крёстное знамение с поклоном и стал подниматься по ступеням. Андрей поспешно и неумело перекрестился и, зажав подмышкой шапку, проследовал за диаконом в храм.

В церкви ещё не рассеялось облако дыма от каждения, мерцали свечи в позолоченных подсвечниках. Пожилой мужчина, стоя на коленях, молился возле Распятия. Две старушки о чём-то шептались у иконы Божьей Матери «Скоропослушница». Баба Шура энергично орудовала шваброй, сердито поглядывая на вошедших в храм. Отец Владимир подвел Андрея к окошку свечного ящика.

- Вот выбирай, что душе угодно. Здесь и нашего производства есть, восковые, чисто мёд гречишный, ароматные.

- Мне бы подороже какую и потолще...

- Может, тебе ещё архиерейскую подать?

- Отец диакон, мне такую, чтоб Богу угодить. Хочу за спасение своё благодарность выразить.

- Богу дела твои добрые нужны, а свеча, брат, это – молитва твоя сердечная.

Диакон Владимир наклонился к окошку, за которым сидела кареглазая девушка в аккуратном повязанном платке.

- Любушка, дай-ка нам, пожалуйста, три самых больших софринских свечи.

Андрей достал из внутреннего кармана куртки довольно-таки объемистый кошелёк, отдал деньги за свечи и, с благодарностью глядя на диакона, спросил:

- А куда лучше свечи поставить? Икон-то не счесть сколько! Хотя мне советовали к Николе. Ему, говорят, всегда свечи ставят, особенно моряки и шофера. Я же по профессии водитель, дальнобойщик, значит мне к Николе надо.

- К Николе говоришь? – диакон с укором посмотрел на Андрея, державшего в почерневшем от машинного масла кулаке три свечи. - Эх вы, маловеры! Недавно после службы, подходят ко мне трое громил и сразу с места в карьер – где, мол, у вас тут Никола, свечу ему поставить хотим. Запросто так! Благоговения ни капли нет. Николай это – Чудотворец, Святитель. Ты сам-то хоть крещёный или бусурман какой?

- Да с раннего детства, бабуля в этом самом храме крестила. Я и крестик тот сберёг. Вот он.

Андрей вытащил из-за пазухи изрядно потёртый оловянный крестик на самодельном гайтане из тонкой капроновой бечёвки.

- Ну-ну, - буркнул отец Владимир – и, вежливо взяв Андрея за локоть, подвёл его к иконе Николая Чудотворца.

Трудно описать то, что произошло с Андреем. С минуту он стоял, как вкопанный с широко открытым ртом. Его лицо выражало одновременно удивление, растерянность и радость встречи.

- Так вот же он! – воскликнул Андрей, указывая пальцем на святого.

- Конечно он, он самый Николай Чудотворец.

- Да нет! Это тот дед, который меня спас! Немедленно ведите меня к нему! Я его озолочу!

- Кого озолотишь? Какой такой дед? Его уже поди веков как шестнадцать нет на земле, почил в Бозе давным-давно. Хотя, конечно, у Бога все живые, но...

Андрей не дал диакону договорить.

- Чего вы мне голову морочите – «почил в Бозе» - я позавчера только с ним виделся, вот как с вами сейчас разговаривал. Давайте без дураков, показывайте, где вы его прячете?!

Андрей сорвался с места, забыв про свечи, которые надо было возжечь, и, бормоча что-то невнятное себе под нос, устремился к алтарю.

Обогнув аналой с возложенной на него иконой, занёс было правую ногу на амвон, но здесь, еле поспевавший за ним диакон, успел-таки схватить горемыку за ворот меховой куртки.

- И куда это мы без благословения рванули? Через Царские врата в Алтарь? Ишь, какой шустрый!

Баба Шура с грохотом уронив швабру, всплеснула руками:

- Господи, никак опять болящий! Отец диакон, может за охранником сбегать? Так я мигом.

- Не надо, без посторонней помощи справимся, не из робкого десятка поди.

- Я так и знал, что не поверите мне! А ещё в церкви работаете! – завопил брыкающийся Андрей, которого отец Владимир волоком тащил от амвона.

- Не работаем, а служим. А ты, если крещёный, так знать должен, что послушание превыше поста и молитвы. Лезешь напролом куда не следует!

На шум и возню возле алтаря из левых диаконских врат вышел отец Михаил, высокий священник в тёплой рясе и скуфие, отороченной коричневым мехом.

- Объясните мне сейчас же, диакон Владимир, что здесь происходит?

- Да вот, Отче, пусть он сам расскажет, что ему надо. А то я что-то не пойму, кого мы здесь прячем, какого такого деда? В алтарь норовил проскочить, еле сдержал.

При виде отца Михаила Андрей перестал дёргаться, но диакон не отпустил воротник его куртки из своего мощного кулака.

- Батюшка, Вы хоть мне объясните! Дед этот, что у вас на иконе нарисован, позавчера мне жизнь спас... Мою машину из пропасти вытащил... Я с ним разговаривал, вот как с вами сейчас – сбивчиво, срывающимся голосом выпалил Андрей.

Отец Михаил усмехнулся, затем, внимательно посмотрев прямо в глаза Андрею, сказал:

- Вот что, дорогие мои, в храме шуметь негоже. Давайте-ка сначала отобедаем у меня дома, да за чайком всё по порядку и расскажете. Можно, конечно, в трапезной у нас покушать, но матушка сегодня мой любимый пирог испекла, рыбный, боюсь, обидится. А ты, отец диакон, отпусти человека, чего за ворот-то держать, оторвёшь ведь!

От мягкого тембра батюшкиного голоса Андрей стал успокаиваться и приходиться в себя:

- Спасибо, батюшка, да я, вроде бы, не голоден. Мне бы деда увидеть того.

- А мы за трапезой всё и обсудим.

Дорога до дома отца Михаила заняла не больше 10 минут. Шли гуськом по протоптанной в глубоком снегу дорожке. Разные мысли проносились в голове Андрея. Он то возвращался к пережитому им событию, то отдалялся от него и никак не мог связать позавчерашний день с днём сегодняшним.

За дощатым забором, выкрашенным в тёмно-зелёный цвет, отчаянно лаял сторожевой пёс Пират, то ли почуяв чужого, то ли радуясь встрече с хозяином. Открыв калитку, отец Михаил прикрикнул на собаку. Пират, обиженно гремя цепью, нехотя залез в свою будку. Батюшка распахнул тяжёлую обитую войлоком дверь избы и крикнул с порога:

- Матушка, принимай гостей!

- Мир вашему дому, - пробасил, входя в небольшую прихожую, диакон Владимир.

- С миром принимаем, - звонким голосом ответила матушка Наталья, помогая снять рясу из толстого сукна на ватине с плеч отца Михаила.

- Раздевайтесь, гости дорогие, мойте руки и проходите к столу.

Андрей, вдыхая запах свежеевыпеченного рыбного пирога, почувствовал, как проголодался. Матушка уже хлопотала у стола, расставляя тарелки и чашки. Андрею понравилось, как все дружно пропели молитву, обратясь к иконам в красном углу избы, и как затем батюшка благословил трапезу.

Ели неспешно и сосредоточенно, изредка перебрасываясь незначительными фразами. За крепким горячим чаем с румяным пирогом отец Михаил попросил Андрея рассказать немного о себе и о чудесном своём спасении. Андрей, согретый домашним теплом и вниманием, начал свой рассказ:

«Водитель я, можно сказать, потомственный. Отец мой всю жизнь в одной автобазе проработал. От рядового водителя до начальника колонны прошёл. В армии я два года водил тягач аэродромный, а после дембиля - сразу в родную автобазу. Здесь бы работать – горя не знать. Но в начале девяностых не стало нашей автобазы. Да что об этом говорить! Наступил капитализм».

Андрей замолчал, отхлебнул ароматный чай из большой фаянсовой чашки и продолжил:

«К тому времени у меня трое ребятишек подрастало. Перебивался случайным заработком. Хорошо, что машина мне от отца в наследство досталась – «жигулёнок» - старенький, но надёжный. Возил всяких коммерсантов на своей машине. На хлеб, вроде, хватало, но без масла. Опять же, никаких гарантий, заболел – уволен. Извозом я не занимался. Как-то не по душе мне это дело. Да и случаи всякие с таксистами бывали, сами знаете. Душой я к большегрузным прирос. Сплю и вижу, как иду в дальний рейс на новеньком тягаче. Правда, часто снилось такое. И надо же, суждено было сбыться этому сну! Устроился я на более-менее постоянную работу в небольшую коммерческую фирму. Шеф человек строгий, но обязательный. Взял он меня водителем на ГАЗ-66. Заодно и автослесарем. На грузовике я мало выезжал, в основном его парк легковушек обслуживал. Я только потом понял, что взял он меня на работу с дальним прицелом.

Через год наша фирма приобрела новенький «СуперМаз» с рефрижератором типа «АЛКА». Решил шеф междугородними перевозками заняться. Помню, как я волновался, когда принимал новый автомобиль. А когда в первый рейс пошёл на Находку орал от радости диким голосом всю дорогу: «Выплывали расписные Стеньки Разина челны...» Напарника мне обещали дать, но так и не дали, видно, из экономии. В рейсы уходил я один. Нет, конечно, частенько в кабине со мной ездили то сопровождающие груза, то экспедиторы, то снабженцы, но второго водителя не было. Честно говоря, на первых порах мне и не нужен был напарник. Сам прекрасно справлялся.

И вот вызывает меня начальник перед этим самым рейсом и говорит: срочно нужно забрать груз в порту Зарубино. Груз ценный, так что оплата сразу по прибытию. И сумму назначил немалую. Интерес, конечно, есть интерес, само собой разумеется, но дело не только в деньгах. Шеф наш – человек крутой, ему отказать никак нельзя. За ним люди тёмные стоят, крышуют, значит. А я эту дорогу на Славянку, по правде сказать, не уважаю: гравийка и перевалы крутые. Ещё когда в автобазе работал, не любил по ней ездить. Но надо, так надо. Фуру мне быстро загрузили местной продукцией. Попутчиком со мной до Раздольного ехал наш снабженец Семён Степанович. А дальше я шёл один. Груз доставил по назначению в Славянку, потом рванул в Зарубино. Как раз успел, теплоход уже стоял у причала. Загрузился там под завязку, оформил документы и напрямиком назад в Хабаровск.

Часа в четыре после полудня подъехал я к большому перевалу - одному из самых опасных участков трассы. Тут погода стала быстро портиться. С неба посыпалась мелкая снежная крупа, поднялся ветер. МАЗ мой медленно полз в сопку. Вокруг не было ни души – ни встречных, ни попутных машин. В такой обстановке за рулём заснуть запросто, как дважды два четыре. Как я ни боролся, но, видимо, сказалась усталость и нервное напряжение. То ли от небольшой скорости, то ли от монотонного гудения дизеля, или от тепла в кабине, меня, в конце концов, сморило. Страшно это, когда засыпаешь за рулём – мгновение и катастрофа...»

Андрей на минуту замолчал, отхлебнул уже остывший чай, и вновь продолжил свой рассказ.

«...Не знаю, на сколько минут или секунд я отрубился, но когда очнулся, понял, что мне хана. В правое зеркало я отчётливо увидел, что заднее колесо фуры беспомощно крутится над пропастью. А полуприцеп неуклонно ползёт под откос. Я лихорадочно стал спасать положение, работать рулём и газом. Но всё было напрасно. Тягач почти выехал на встречную полосу, но многотонная фура через мгновение готова была рухнуть вниз, увлекая за собой машину. В какой-то момент я решил выпрыгнуть из кабины, тем более, что МАЗ почти остановился. Но, представив, что будет со мной и моей семьёй, я решительно захлопнул дверь. Будь что будет, подумал я. И в этот самый момент в левом зеркале заднего вида появился старик в каком-то потёртом полушубке, в диковинной шапке и странных обутках. В правой руке он держал длинную палку с загнутым, как у зонта, верхом. Старик приветливо помахал мне и улыбнулся, затем ловко зацепил своим крючком причальный брус фуры. Мне было не до смеха, я распахнул свою дверь и крикнул ему: «Дед, бросай ты эту затею, рухнем сейчас все вместе в пропасть! Убегай от машины!» Старик ещё раз улыбнулся и сказал мне, чтоб я дверь свою закрыл, мол, простужусь ненароком и на дорогу внимательно смотрел. Жутко мне стало и весело одновременно. А дед, особо не напрягаясь, плавно потянул свою трость на себя. И тут я почувствовал, как фура всеми колёсами твёрдо встала на дорогу. Старик в это время трусил мелкими шажками рядом с машиной. Он ещё немного пробежал вперёд, помахал мне рукой и направился к придорожному лесу.

Я немедленно застопорил машину, затянул ручник и бросился вслед за дедом. Сколько я ни кричал, ни звал его, все усилия были напрасны. Дед, как сквозь землю провалился. След от его обуви был ещё виден, но снег заметал его. Быстро темнело. По трассе замелькали лучи фар. Я поспешил к МАЗу – опасно было оставлять машину да ещё с дорогостоящим грузом.

В тёплой кабине меня трясло, как в лихорадке, минут двадцать. Только сейчас я по-настоящему оценил всё, что произошло. Придя в себя и уняв дрожь, я плавно тронулся, преодолел перевал и, доехав до первого поста ГАИ, зарулил на стоянку, забрался на спальную полку и отрубился.

Проспал я до рассвета. Умывшись снегом, тронулся в путь. До города доехал благополучно, сдал груз. Начальник ждал меня в своём кабинете и, как обещал, выдал деньги за этот рейс. Конечно же, я ни словом не обмолвился о том, что случилось со мной. Поделился только с Прокопычем. Он у нас на проходной вахтёром работает. Верующий он. Над ним все посмеиваются, святошей называют – не курит и на работе всегда трезвый. Он моему рассказу ничуть не удивился. Сказал, что Господь меня миловал и что я должен немедленно пойти в церковь, поблагодарить Бога, свечку ему поставить. Ещё что-то говорил про покаяние, да я уж и не помню, особо в подробности не вдавался. А дальше что рассказывать? Сами видели, что в церкви случилось. До сих пор не могу понять, как такое могло быть? Я ведь с ним, со стариком этим разговаривал».

Отец Михаил задумался, глядя в окно, затянутое морозными узорами, и, вздохнув, сказал: «Что ж, видно у каждого в жизни бывает свой перевал».

Эпилог

Давно уже нет фирмы, в которой работал Андрей. Его строгий шеф распродал всё с молотка и перебрался в Москву на высокую должность. Неизвестно, как сложилась судьба Андрея в дальнейшем, но после того памятного случая и разговора с отцом Михаилом, его часто видели в церкви, стоящим на коленях перед иконой Святителя Николая Чудотворца Мирликийского.